

Глава 21

День прошёл замечательно. Му Ань давно мечтал попасть на эту выставку, и единственным огорчением было то, что брат не смог пойти с ним.

Впрочем, Мо Сюаньчжу нашёл ресторан с отличными отзывами и щедро угостил всех за свой счёт.

Когда они, сытые и довольные, вышли на улицу, уже стемнело. Чжао Чжоу отправился за машиной, чтобы развезти их по домам.

Му Ань стоял на ступеньках у входа в ресторан, доедая шарик мороженого. Отсутствие брата имело и свои плюсы: никто не следил за ним, и он позволил себе съесть целых два огромных шарика, почти не притронувшись к ужину.

— Холодно, наверное, — Мэн И достал из кармана салфетку и протянул ему. — Подложи под стаканчик.

— Спасибо, не нужно, — с улыбкой ответил Му Ань.

Мэн И хотел было что-то ещё сказать, но Мо Сюаньчжу, опередив его, выхватил салфетку.

— Моему брату нельзя брать ничего у посторонних. Не суй ему всё подряд.

Мо Сюаньчжу прекрасно знал о состоянии Му Аня. Он с детства наблюдал, как Мо Шиянь заботится о нём, и кое-чему научился.

— Это всего лишь салфетка. Ты что, слишком строгий брат? — удивился Мэн И.

— Я — строгий? Ты бы радовался, что перед тобой стою я, а не его настоящий брат.

— А что с его братом? — с любопытством спросил Мэн И.

— Воспитывает в строгости, — пояснил Мо Сюаньчжу. — У моего брата в детстве было слабое здоровье, за ним приходилось следить в оба, чтобы он вообще вырос здоровым.

— Так он до сих пор не поправился? — Мэн И посмотрел на Му Аня.

— Уже намного лучше, — ответил тот.

— И твой брат всё ещё так строго тебя контролирует?

— Не слушай Сюаньсюаня, он вечно преувеличивает, — отмахнулся Му Ань.

Не успел он договорить, как к ступенькам плавно подкатил роскошный чёрный автомобиль. Его обтекаемый кузов блестел в свете фонарей, словно затаившаяся в ночи пантера.

Мэн И изумлённо уставился на машину, несколько раз обедев её взглядом. «Роллс-Ройс» лимитированной серии, который невозможно купить даже за большие деньги. Он слышал, что один такой экземпляр был ввезён в Ганши, но не знал, кто из наследников богатых семей оказался таким расточительным.

Окно машины слегка опустилось, и в проёме показались лишь знакомые тёмные глаза, как вдруг стоявший рядом с ним мальчик радостно воскликнул:

— Брат!

Мэн И показалось, будто лёгкая бабочка вспорхнула со ступенек и, не раздумывая, опустилась у заднего окна автомобиля.

Он не успел опомниться, как Мо Сюаньчжу смерил его торжествующим взглядом.

— Вот видишь. Настоящий брат прибыл.

Му Ань просунул голову в окно, уцепившись за него обеими руками. В его глазах плясали весёлые искорки.

— Как ты здесь оказался? Проезжал мимо?

Первое, что увидел Мо Шиянь, был стаканчик с мороженым в его руках. Он забрал его одной рукой, а другую просунул в окно и, обхватив ладонью лицо мальчика, большим пальцем нежно стёр что-то с уголка его губ.

— За тобой приехал.

Му Ань счастливо сощурился и, ничуть не смущаясь, потёрся подбородком о широкую ладонь, протянув:

— Я забыл взять салфетку.

— Вы уже поели? — спросил Мо Шиянь.

— Да, как раз собирались уезжать, — кивнул Му Ань, сгибаясь в пояснице. — У тебя встреча тоже закончилась?

— Угу, — Мо Шиянь открыл дверь, пропуская его в машину.

— Там ещё двое... — спохватился Му Ань.

— Их отвезёт Чжао Чжоу.

Сзади раздался короткий гудок — это как раз подъехал Чжао Чжоу.

Му Ань успокоился и, придерживая дверь, сказал Мо Шияню:

— Я сейчас им скажу, подожди минутку.

Он снова взбежал по ступенькам, быстро переговорил с Мо Сюаньчжу и Мэн И, поблагодарил их за компанию, попрощался и вернулся в машину.

Опустив окно, он помахал им на прощание. Его глаза, улыбаясь, изогнулись в два красивых полумесяца.

Но взгляд, брошенный из-за его спины, разительно отличался. Он был подобен взгляду хищника, скрывающегося во тьме, который, убрав когти, смиренно стал хранителем этого наивного и чистого создания. Взгляд этот был тихим, молчаливым, но полным давящей оценки и негласного предупреждения.

Мэн И случайно встретился с ним глазами и понял, что смотрят именно на него. По его спине

пробежал холодок.

Он застыл на месте, не в силах пошевелиться, и смотрел, пока «Роллс-Ройс» не растворился в потоке ярких огней.

По дороге домой Му Ань всё никак не мог успокоиться и без умолку рассказывал Мо Шияню о картинах, которые видел.

Хоть брат и забрал у него мороженое, он уже успел съесть два, так что не особо расстроился.

Мороженое в руках Мо Шияня начало таять, и несколько капель холодного липкого крема стекли на его длинные пальцы. Му Ань, заметив это, тут же достал влажную салфетку и вытер брату руки, а потом попросил у водителя бумажный пакет, чтобы выбросить остатки десерта и мусор.

— Я ещё не закончил. В том выставочном центре несколько этажей, а наверху ещё есть музей современного искусства...

Му Ань говорил ещё долго. Мо Шиянь терпеливо слушал и, лишь когда тот закончил, спросил:

— Что вы ели на ужин?

— Испанскую кухню, — Му Ань сморщил нос. — Но мне не очень понравилось.

— Мороженое тоже?

— А мороженое вкусное!

Му Ань облизнулся. Во рту всё ещё оставался лёгкий сливочный привкус.

— Сколько съел? — спросил Мо Шиянь, глядя на него в упор.

— Один.

Мо Шиянь молча смотрел на него.

— ...Два, — поправился Му Ань.

Не выдержав давления, он добавил:

— Правда, всего два. Третий ты у меня забрал.

Видя, что лицо Мо Шияня помрачнело, Му Ань прибег к своей обычной уловке: он первым виновато опустил голову и легонько уткнулся лбом в плечо брата.

— Я не запрещаю тебе его есть, — сказал Мо Шиянь. — Но от холодного у тебя потом болит живот.

Такое уже случалось. Однажды, когда Мо Шияня не было дома, Му Ань втайне съел пять порций мороженого, попросив дядю Ханя и тётю Чжун никому не говорить. Ночью у него так разболелся живот, что пришлось вызывать семейного врача. А потом Мо Шиянь, обнимая его, давал ему лекарство.

Му Ань тогда лишь плакал, уткнувшись в грудь брата, а Мо Шиянь всю вину взял на себя, считая, что это он не уследил за ним и позволил ему так мучиться.

— У меня давно уже не болит живот, — возразил Му Ань. — Это было, когда я был маленьким.

— Теперь ты вырос, — Мо Шиянь легонько подтолкнул его голову. — И перестал слушать брата.

— Слушаю, слушаю, — Му Ань тут же поднял на него глаза. — Когда это я тебя не слушал?

Сегодня на Му Ане не было запаха чужих феромонов, он не прикасался к Мэн И во время разговора.

Мо Шиянь не ответил прямо, а спросил:

— Завёл нового друга?

Му Ань снова прислонился головой к плечу брата.

— Это друг Сюаньсюаня.

Вспомнив, что Мо Шиянь велел ему держаться на расстоянии от представителей другого пола, он добавил:

— Я с ним не очень знаком.

— Пирожное в прошлый раз тоже он приносил? — как бы невзначай спросил Мо Шиянь.

— Откуда ты знаешь? — удивился Му Ань.

— В этот раз он тоже что-то дарил? — мягко продолжил Мо Шиянь.

— Нет-нет, — замахал руками Му Ань. — Кто же будет постоянно дарить подарки? Он просто пришёл с Сюаньсюанем за компанию.

Мо Шиянь слегка повернул голову. Лицо мальчика всё ещё было по-детски наивным.

Он всегда оберегал Му Аня, и тот рос в полной безопасности. Он знал всех его близких друзей и одноклассников. Возможно, потому что Му Ань жил в счастливом и безопасном мире, он многого ещё не понимал, и его сердце оставалось таким же мягким и чистым, как и раньше.

Но это не означало, что люди, которые появлялись рядом с ним, были такими же. Именно в такие моменты его нужно было направлять.

— Я не против, чтобы ты дружил с альфами, — сказал Мо Шиянь, глядя на него. Его голос был тихим и мягким. — Но я должен об этом знать.

Му Ань понял, что не сказал брату о том, что провёл день с Мэн И, и тот, естественно, забеспокоился.

— Хорошо, я буду тебе всё рассказывать, — он потянул его за руку, его тон был искренним. — Между нами не будет секретов.

— И не забывай то, чему я тебя учил, — Мо Шиянь легонько похлопал его по голове.

— Не забуду! — твёрдо кивнул Му Ань.

Мо Шиянь не стал его ругать. Му Ань был послушным и ласковым. Он сказал, что считает того альфу просто знакомым, даже не другом, а потом, немного поласкавшись, окончательно растопил сердце Мо Шияня, и тот уже не мог на него сердиться.

Вот только после этого Мо Сюаньчжу ещё несколько раз пытался вытащить Му Аня погулять, но ему так и не разрешили.

Остаток каникул пролетел незаметно. Чем ближе было начало учебного года, тем сильнее тревожился Му Ань.

Всё это время Мо Шиянь каждый день занимался с ним, рассказывая о физиологии и объясняя всё то, что им ещё не преподавали в школе.

Иногда Му Ань слушал как в тумане, и тогда Мо Шиянь объяснял всё более простыми словами. Говорящий не видел в этом ничего особенного, а вот слушающий от смущения закрывал уши руками.

Мо Шиянь отнимал его руки и, глядя ему в глаза, спрашивал:

— Понял?

— Понял, понял, — кивал Му Ань.

Временная метка — это введение феромонов в железу на шее. Железа омеги очень нежная и уязвимая, и её развитие — процесс медленный. Он начинается после дифференциации и продолжается до полного созревания репродуктивной системы. В этот период омега может ощущать и выпускать феромоны, но ставить временную метку ещё нельзя.

Поэтому железу нужно беречь, никому не показывать и уж тем более не давать прикасаться.

Му Ань всё понял и пообещал брату, что в школе будет постоянно носить блокирующий пластырь.

С началом учебного года ему предстояло жить в общежитии. Мо Шиянь думал о том, чтобы оформить ему свободное посещение, но в итоге отказался от этой идеи.

В жизни в общежитии были и свои плюсы. Дел в корпорации становилось всё больше, и Мо Шиянь возвращался домой всё позже. К тому же, впереди было несколько крупных проектов, и, возможно, придётся часто ездить в командировки. У него не будет времени даже на то, чтобы поужинать с Му Анем. А тот каждый вечер ждал его и не ложился спать, пока он не вернётся. Сколько раз он его просил, но тот упрямылся, и Мо Шиянь, избаловавший его, в итоге сдавался.

В общежитии он хотя бы будет не один, а с друзьями и одноклассниками, и ему не будет одиноко.

Перед началом учёбы он научил его всему, чему мог, и дал все необходимые наставления. Му Ань с детства был послушным и разумным ребёнком, в важных вещах он не подводил. Если ему что-то запрещали, он этого не делал, а исправив ошибку, никогда её не повторял.

Он мог немного покапризничать и пошалить по мелочам, любил ласкаться к Мо Шияню, и тот в большинстве случаев ему потакал. Но на этот раз всё было иначе. В школе ему придётся научиться заботиться о себе самому.

Мо Шиянь добавил ещё множество «нельзя». Слушая его, Му Ань почувствовал, как к глазам подступают слёзы, и тихо сказал:

— Но я не хочу жить в общежитии...

Мо Шиянь услышал это. Увидев его опечаленное, поникшее лицо, он чуть было не сдался, но, вспомнив, почему принял такое решение, скрепя сердце промолчал и, раскрыв руки, прижал его к себе.

— Твои друзья тоже живут в общежитии. Хочешь, я договорюсь, чтобы вас поселили в одну комнату? — тихо уговаривал он. — Вы сможете вместе ходить на вечерние занятия, вместе ужинать, а перед сном болтать с друзьями. Ты всегда будешь с кем-то.

— Мне не нужно, чтобы со мной кто-то был, — пробормотал Му Ань, уткнувшись лицом ему в грудь. — Я могу и один дома.

— Но я не хочу, чтобы ты был один, — Мо Шиянь погладил его по волосам.

В носу у Му Аня защипало, и он, не сдержавшись, уронил несколько слезинок. Они скатились по щекам и собрались на кончике его острого подбородка, сверкая, как жемчужины.

У Мо Шияня тоже сжалось сердце. Он вытер его лицо и, утешая, сказал:

— Я обещаю, что буду часто тебя навещать.

Му Ань лишь шмыгнул носом и, обиженно надувшись, промолчал.

Впервые Му Ань обижался так долго. Прошло несколько дней, а он всё ещё дулся. Он перестал сам заговаривать с Мо Шиянем, хотя на вопросы отвечал, пусть и односложно и с нарочитой холодностью. Он больше не ласкался к нему и даже ложился спать, не дожидаясь его возвращения.

Правда, он не спал, а лишь притворялся, закрыв глаза. Когда Мо Шиянь подходил к его кровати, его длинные ресницы предательски дрожали.

Мо Шиянь не подавал виду. Он молча сидел у его кровати некоторое время, а потом уходил.

В день начала учёбы вещи Му Аня перенесли в общежитие. Комната была на четверых, и его соседями оказались его лучшие друзья. Несложно было догадаться, что это устроил Мо Шиянь.

Условия в общежитии были отличными, но Му Ань, сидя на своей кровати, всё равно был не в духе.

Мо Шиянь отменил все дела, чтобы проводить его. Когда он уходил, у Му Аня снова покраснели глаза, и краснота до сих пор не сошла.

— Ты чего, Аньань? — Цзян Синлань заглянул ему в лицо. — Что-то в глаз попало?

— Соскучился по дому? — предположил Мо Сюаньчжу.

— Да не может быть, мы же здесь и полдня не пробыли, — возразил Цзян Синлань.

Сун Юань, как и Му Ань, чувствовал необъяснимую тоску. Он подошёл и сел рядом с ним.

— Твой брат хотя бы сам тебя проводил, это так мило. Моим родителям было некогда, меня привёз водитель. Их тоже.

Но Мо Сюаньчжу и Цзян Синлань, будучи менее чувствительными, не видели в этом ничего особенного.

— Я в порядке, — Му Ань говорил в нос, но, стесняясь друзей, отвернулся. — Скоро урок, пойдёмте.

Они вместе пошли в учебный корпус. Класс остался тот же, всё было знакомо, вот только Му Ань теперь стал в нём особенным.

Ведь он был единственным дифференцировавшимся омегой, объектом всеобщего внимания и защиты.

На переменах его тут же обступали одноклассники и засыпали вопросами. Подросткам было любопытно всё, что связано с миром после дифференциации, и вопросы были самые разные.

Му Ань, вооружившись знаниями, полученными от брата, отвечал на них, как заправский эксперт. Кто-то даже попросил его выпустить немного феромонов, чтобы они могли понюхать, но Му Ань отказался, объяснив, что они всё равно ничего не почувствуют, пока сами не дифференцируются.

К тому же, он обещал брату никому не давать их нюхать.

— Да это почти как духи, — крикнул Цзян Синлань, разгоняя толпу. — Кому интересно, можете сходить в туалет и понюхать освежитель!

Все рассмеялись, и Му Ань тоже улыбнулся. Его тоска, казалось, немного отступила.

После уроков было ещё два часа вечерних занятий. Вернувшись в общежитие, они увидели, что на часах уже половина девятого. В общежитии был строгий распорядок: в девять тридцать все должны были быть в кроватях и выключить свет.

Мо Сюаньчжу не наелся за ужином и достал из шкафчика саморазогревающийся хого.

— Аньань, будешь ужинать? — спросил он.

Еда в школьной столовой была неплохой, но у Му Аня не было аппетита, и он почти ничего не съел. Сейчас он тоже не чувствовал голода.

Он покачал головой и, взяв полотенце и мыло, пошёл в душ.

Цзян Синлань выхватил у Мо Сюаньчжу хого и, не говоря ни слова, вскрыл упаковку.

— Есть вкусняшки, а с лучшим другом не делишься. Аньань не ест, а я поем.

Мо Сюаньчжу не стал ему мешать. Он дождался, пока тот зальёт воду и добавит все ингредиенты, а когда хого разогрелся, схватил его и, выскочив на балкон, запер за собой дверь.

— Спасибо, что всё приготовил, настоящий друг!

Цзян Синлань в ярости заколотил в дверь балкона.

— Ешь, я туда кое-что подсыпал! Съешь хоть кусочек — и станешь слабоумным!

Мо Сюаньчжу, не обращая на него внимания, подцепил палочками кусочек говядины, помаhal ему и с наслаждением отправил в рот.

Му Ань вышел из душа и, сев на кровать, начал сушить волосы. До него донёлся запах хого с балкона, и в животе предательски заурчало.

Он потрогал пустой живот. В его шкафчике тоже было много вкусного, всё, что принёс ему брат. Брат лучше всех знал, что он любит, и выбрал всё на его вкус.

Ещё несколько дней назад Му Ань дулся на брата из-за общежития и почти не разговаривал с ним. А теперь, оказавшись здесь, вдали от него, он снова начал скучать.

Он вспоминал, как брат заботился о нём, как любил его. Если бы он знал, что он сейчас голоден, он бы принёс ему кучу его любимых лакомств и уговаривал бы его поесть. А если бы он капризничал, то кормил бы его с ложечки.

От этих мыслей Му Аню стало ещё тоскливее. Всё валилось из рук, сердце сжималось от боли. Он больше не хотел сушить волосы. Швырнув фен на стол, он тихо забрался на кровать и накрылся одеялом с головой.

На балконе всё ещё шумели друзья. Сун Юань заметил, что Му Ань сегодня был необычайно молчалив.

— Аньань, — он сел на край его кровати, — что случилось? Опять по дому скучаешь?

— Нет, я просто устал, хочу спать, — донёлся глухой голос из-под одеяла.

— Ещё рано, ты что, уже спишь? — Сун Юань потянул за одеяло.

Му Ань отвернулся к стене и глухо промычал:

— Угу.

Видя, что он не хочет разговаривать, Сун Юань больше не стал его спрашивать. Он и сам скучал по дому.

Мо Сюаньчжу доел хого, оставив Цзян Синланю лишь немного бульона. Вернувшись в комнату и увидев, что Му Ань уже лежит, они стали разговаривать тише.

Му Ань, свернувшись калачиком под одеялом, закрыл глаза и потёр их. Они были влажными.

Он всё говорил, что вырос, но что толку от того, что его тело дифференцировалось? В душе он всё ещё оставался маленьким мальчиком, который не может жить без брата.

Он впервые ночевал не дома и знал, что ему будет трудно привыкнуть, но не думал, что будет

так тоскливо.

Его охватило чувство, будто его бросили.

Всё здесь было чужим: чужая комната, чужая кровать. Только маленький игрушечный динозавр, которого он принёс из дома, был с ним.

Эта кровать была такой маленькой, на ней было совсем неудобно спать.

Через некоторое время в комнате стало тихо. Все помылись и легли спать. Свет погас.

Дома Му Ань в девять тридцать ещё не спал, а сейчас, тоскуя по дому, он и вовсе не мог уснуть.

Вокруг была крошечная тьма и мёртвая тишина. Сжавшись под одеялом, он не выдержал и тихо заплакал.

Брат впервые был с ним так жесток. Он и вправду бросил его в школе и забыл о нём.

— Аньань, Аньань? — тихо позвал Мо Сюаньчжу.

Му Ань не хотел, чтобы кто-то узнал, что он, как маленький, плачет в подушку, и, притворившись спящим, не ответил.

Но Мо Сюаньчжу звал его снова и снова, решив, видимо, разбудить его во что бы то ни стало.

Ещё немного, и он разбудит дежурного учителя. Му Аню пришлось откинуть одеяло и тихо прошептать:

— Что?

Мо Сюаньчжу спал напротив. Он помахал ему светящимся экраном телефона.

— Посмотри сообщения.

Они все тайком пронесли телефоны. Му Ань спрятал свой под матрас. Он так расстроился, что даже не включил его.

Зачем писать сообщения, если можно просто сказать?

Му Ань вытер слёзы об одеяло, достал телефон и включил его. Мо Сюаньчжу ему ничего не писал.

Но на телефоне было несколько непрочитанных сообщений от брата.

Час назад.

Брат: [Вечерние занятия закончились?]

Полчаса назад.

Брат: [Ты уже в общежитии?]

Двадцать минут назад.

Брат: [Аньань, ответь, когда увидишь.]

Десять минут назад.

Брат: [Всё ещё сердисься? Не заставляй меня волноваться.]

Му Ань уже почти успокоился, но, читая сообщения, снова почувствовал, как к глазам подступают слёзы.

Видимо, заметив, что сообщения прочитаны, брат тут же прислал ещё одно.

Брат: [Можешь подойти к школьным воротам?]

Му Ань удивлённо распахнул глаза. Что это значит? Зачем ему идти к воротам в такой поздний час?

Неужели...

У него мелькнула догадка, и он уже хотел было написать в ответ, как пришло ещё одно сообщение.

Брат: [Я велел привезти тебе кое-что.]

Его маленькая надежда лопнула, как мыльный пузырь.

Ему не хотелось никуда идти, но, подумав, что у ворот его, возможно, ждёт Чжао Чжоу или тётя Чжун, он понял, что не может заставлять их ждать. Поколебавшись, он смахнул слёзы и холодно отправил в ответ стикер с кивающим котёнком.

Он осторожно сел на кровати, накинул куртку и, стараясь не разбудить остальных, тихо выскользнул из комнаты.

Ночной кампус был погружён в тишину. Густые кроны старых деревьев шелестели на ветру. На дорожках не было ни души, а тусклый свет фонарей и тёмные стены старинных зданий выглядели немного жутко.

Му Ань, опустив голову, быстро шёл вперёд, не решаясь оглянуться. Наконец впереди показались старые, величественные школьные ворота.

У ворот его ждала высокая фигура. Тень от неё, вытянутая светом фонаря, легла на землю. Он стоял, небрежно оперевшись о ворота, и смотрел в его сторону, не отводя взгляда с того момента, как Му Ань появился в поле его зрения.

Му Ань замер.

Ворота открылись, и человек, стоявший снаружи, вошёл внутрь. Он подошёл ближе и, молча глядя на него, раскрыл руки.

Му Ань больше не мог сдерживаться. С горячими слезами на глазах он сорвался с места и со всей силы врезался в тёплые, родные объятия.